
Павел ВЯЛКОВ

РАССКАЗЫ

КРИТИЙ

Мы вечные странники мира идей,
И кормчий у нас сам Платон.
Живем мы в потоке таких скоростей,
Что знаем, где Бога базон.
Рожденье на Землю изгнало нас
Топтать сей грешный ад.
И смотрим мы в небо в полуночный час,
Ища в нем идей звездопад.
Мы верим, наступит такая пора,
Придет цветущий наш май —
И нас призовут снова туда —
Мы снова увидим свой рай...

В последние дни фаргелиона первого года 108-й Олимпиады (май 347 года до н. э.) в садах старинного парка Академа, что в близ Афин, стояла угнетающая своей неопределенностью тишина. Слушатели Академии были на время распушены по домам, и в саду было слышно только пение птиц да журчание родника, бьющего из расщелины в скале. На всех возвышающихся в парке статуях были видны траурные повязки, свидетельствовавшие о переживаемом его обитателями трагическом моменте их жизни. Все указывало на то, что Академия понесла невосполнимую утрату: ушел из жизни ее основатель, и бессменный вождь, и наставник. Ушел неожиданно в возрасте восьмидесяти лет. Ушел весело, на свадебном пиру, в день своего собственного рождения.

Наследник. Трое близких учеников и друзей усопшего — Спевсипп Афинский, Ксенократ из Халкидона и Аристотель из Стагиры — сидели за их общим столом бесед и философских трапез в ожидании прибытия траурной урны с прахов их великого Учителя. Они находились в крытой галерее для застолий, где обычно проводили свои неспешные философские беседы. На столе перед ними лежали два свитка — завещание и последний труд мастера, на внешней стороне которого виднелось его название «Критий». Никто из собравшихся не смел к нему даже и прикоснуться. Свиток хранил еще тепло своего создателя и был оставлен им на том месте, где и лежал перед тем, как он отправился на этот злополучный свадебный пир, ставший для него последним в его долгой и яркой жизни. На соседнем столике стоял кувшин поминального вина, накрытый караваем свежего хлеба, и голодные осы вились вокруг него, пытаясь полакомиться им.

Павел Леонидович Вялков родился в 1966 году в Астрахани. Выпускник исторического факультета Астраханского государственного университета. Преподаватель, профессор, доктор философских наук. Живет в Астрахани.

Мрачные лица собравшихся были объединены не только общим горем, но и тяжелым похмельем после прошедшего накануне грандиозного свадебного застолья. У Спевсиппа голова вообще раскалывалась, а мозги в своих извилинах наступали мыслями друг на друга и болезненно вздрагивали всякий раз от любого резкого шороха. Ксенократ был по природе мрачен и нелюдим, а Аристотель, как сын медика, то и дело щупал у себя пульс и молча сокрушался о своем высоком артериальном давлении.

Друзья-единомышленники только что исполнили последнюю волю своего незабвенного наставника и объявили вторым сколархом (начальником школы) Академии его любимого племянника Спевсиппа, которому по завещанию переходило некоторое имущество дяди, а именно — сад Академии, со всеми находящимися здесь постройками. На этом их единомыслие и завершилось. Пришло время разногласий.

То были времена, когда Академия передавалась еще по наследству, а не по праву умного; когда академиком можно было стать, прочитав две умные книжки, а всемирно известным ученым — обронив всего лишь пару мудреных фраз. И наследник понимал, что он никак не может конкурировать умом ни с одним из учеников своего великого дяди. Но он вопреки всему был теперь ее законным главою и мог по своему разумению руководить ее деятельностью.

Получив наследство, племянник мог теперь позволить себе быть солидным и важным. Но в присутствии двух других любимых учеников все его потуги выглядели смехотворными. Следовательно, решил новый сколарх Академии, они должны покинуть стены этого славного учебного заведения. Племянник был уже в том зрелом возрасте, когда самому приходится принимать решения и управлять жизнью созданного его великим дядей учебного заведения.

— Не уйдут сами, отравлю... — решил наследник, уже приготовив в укромном местечке цикуту для своих закадычных друзей.

Те, словно предчувствуя подобную развязку, поспешили объявить, что на днях покидают гостеприимные Афины и вместе с двумя другими учениками Эрастом и Кориском уезжают в Ассос, прибрежный город Малой Азии, расположенный напротив острова Лесбоса. Новый сколарх не подал и вида, хотя мысленно выдохнул из себя все скопившееся в нем напряжение.

Воцарилась гнетущее молчание. Каждый в свою сторону и думал о своем. Все ожидали прихода младших учеников покойного, которые должны были принести траурную урну с его прахом. И когда они наконец показались в начале длинной кипарисовой аллеи Академии, Аристотель многозначительно кивнул в их сторону и небрежно буркнул:

— Вот и наши «шалавы» появились.

— Любимчики! — недовольно проворчал в его поддержку Спевсипп. — И чем только они взяли сердце старого Учителя (Академика)?

— Как чем? — отрешенно пожал плечами Ксенократ. — Своими прелестями...

Когда правда колет глаза, уши отказываются слышать. Любимцы старого сколарха медленно шли, держа в руках бронзовую погребальную урну с прахом своего Учителя и, не скрывая слез, нескромно шмыгали носами. Этими юными учениками были Мантинеец и Флиунтиец (прозвища им дали в Академии по месту их рождения).

— Да, мальчики смазливые... И что только Академик в них нашел? — продолжал вслух рассуждать Спевсипп, рассматривая их приближавшиеся фигуры. — Мозгов чуть больше, чем у куриц, а гонора столько, словно орлы!

— Не знаю, как ты, а они мне нравятся! И даже беременность идет им к лицу...

— Какая еще беременность? — чуть было не подскочил на месте Спевсипп. — Кто беременен? Он беременен?!

— Так это уже всем заметно...
— Беременен! Вот чудеса! А разве такое возможно?
— В стенах нашей Академии все возможно... — мрачно усмехнулся Ксенократ.
— Да ты приглядишься к ним повнимательнее... — попытался раскрыть ему глаза на очевидную истину Аристотель. — Смотри, какой у них девичий стан, изгиб бедер, бюст и длинные ноги... Разве такие формы у юношей в их нежном возрасте бывают?
— Так что они не мальчики, они девочки...
— Так мы тебе о чем толкуем?! Уже вся Академия об этом судачит, и только ты один пребываешь в святом неведении...
— А я все удивлялся, чего это он (дядя) постоянно хихикает! — искренне удивился Спевсипп, внимательно приглядываясь к одной из девиц. — Вот старый пень! Признаюсь, я раньше как-то за ним этих дамских «вещей» не замечал... А вы все знали и молчали... А дядя знал?

— Так он первым и решил не показывать вида... — загадочно улыбнулся Ксенократ. — Чудил старик над ними, хоть сатирический роман пиши...

Молодые ученики, вернее, ученицы поставили принесенную урну с прахом на стол между завещанием и «Критием» и скромно отошли в сторону. Обе были красивы и исполнены непринужденной грации. Обе искренно, не скрывая своих женских эмоций, оплакивали своего Учителя. И они в этом своем искреннем горе были более естественны, чем игравшие свои определенные роли мужчины, старавшиеся не показывать друг другу своих истинных чувств и переживаний.

Новый схолярх все никак не мог прийти в себя и оторвать взгляд от округлившегося животика одной из «студенточек».

— Точно, беременна... — растерянно пожимал он плечами. — А кто отец?
— Ребенок — дитя Академии! — заметил Аристотель. — Какая тебе разница?
— Родится девочка, назовем ее Идеей, родится мальчик — назовем его Эйдосом... — с невозмутимым спокойствием произнес Ксенократ.

— А в чем разница? — опять не понял его глубокомысленную ухмылку растерянный свалившейся на его больной мозг информацией Спевсипп.

В ответ тот сочувственно посмотрел на него, выказывая этим взглядом свое интеллектуальное превосходство и одновременно выражая ему свое сочувствие по поводу ограниченности его умственных способностей. Племяннику стало не по себе, и он смущенно отвел в сторону глаза.

Он окинул взглядом рощу Академии, и у него тоскливо защемило сердце. Известно, что Академия тогда представляла собой *gymnasion*, то есть место для упражнений, и располагалась в роще в шести стадиях к северо-западу от Афин, за воротами Эрия. Свое название она получила в честь героя Экадема, чья могила, увитая плющом и уже поросшая к тому времени мохом, возвышалась в глубине священной оливковой рощи. Обучение и большая часть философских дискуссий проходили в парке на свежем воздухе. С утра все шли в святилище Муз (*mouseion*), чтобы воздать дань богу просвещения Аполлону и его семи славным дочерям, а после расходились по занятиям, чьи расписания составлялись лично самим схолярхом.

Спевсипп наивно полагал, что все знает о своем великом дяде и все уголки его Академии ему знакомы до мельчайших подробностей. И вдруг выяснилось такое! Выяснилось, что он многого не знал. А точнее — был не в курсе самой интересной, самой напряженной и самой тайной части жизни Академии. Оказывается, что тут витали не только одни философские идеи, тут еще бурно кипели и плотские земные страсти.

Конфуз. Предательский удар в спину. Крушения иллюзии, что ты что-то в этом мире значишь. Племянник был растерян. Племянник был подавлен, оглушен и ошеломлен этим неожиданным открытием.

— Ну, дядя! Ну, кобель! — продолжал про себя возмущаться новый сколарх Академии. — А я, наивный, все никак понять не мог, чего это он в бане с этим сопляком парится! Думал, что ему мальчики нравятся, а он, оказывается, по девочкам специалистом был... А еще всем втулял свою платоническую любовь! Самец похотливый!

Преемник взглянул на соседа справа. Ксенократ из боспорского Халкидона слыл человеком весьма угрюмым и принципиальным. Все знали его честным человеком (которого нельзя было купить ни за какие деньги) и совершенно равнодушным ко всем земным удовольствиям и развлечениям. Он отличался мрачным нравом, и Учитель советовал ему для исцеления приносить жертвы харитам. Сосед слева был еще более опасным конкурентом. Аристотель ради истины готов был продать и друга, и отца, и даже самого великого правителя мира.

В одночасье мир для него перевернулся и стал совершенно другим. И друзья теперь уже были мыслями далеко от него, и младшие ученики были уже далеко не учениками, а ученицами. Все, во что он прежде свято верил, оказалось не тем, чем ему казалось. И он теперь не знал, радоваться ему этому или печалиться.

— Одно хорошо, — успел он правильно подумать между делом, — что избавился от иллюзий... Теперь точно вижу, — приглядевшись к животу одной из учениц, отметил он, — это точно девы, точнее, девки, точнее, бабы, или как их там еще называют...

Первую девушку, как выяснилось, звали Ластения (или Ластенейя) Мантинейская. Она была родом из древнего городе в Аркадии, в Пелопоннесе. Брюнетка со жгучими черными очами сразу же приглянулась племяннику, когда он впервые посмотрел на нее под новым углом зрения. Вторую, что была на сносях, звали Аксиотея Флиуская. Это была статная брюнетка со спартанской выправкой и с голубыми глазами. Как уже успел сообщить новому скохарху Ксенократ, девушка, начитавшись философских трудов Учителя, прониклась идеей совершенного государства и явилась в Академию, переодевшись мужчиной. Училась она успешно и постоянно получала похвалы от своего наставника.

— Все... — категорически решил Спевсипп. — С этого дня начинаю totally про- верить всех абитуриентов на принадлежность к мужскому полу... Мне в стенах родной Академии только одного родильного отделения еще не хватало...

— Друзья! — обратился тем временем ко всем собравшимся Аристотель. — Наш ареопаг должен решить еще один важный и неотложный вопрос: где захоронить прах нашего великого Учителя? Надлежит выбрать место для его вечного успокоения... Какие у кого будут на этот счет предложения?

Каждый высказал свое предложение, и ни одно не совпало. Как всегда, каждый о своем, и каждый остался при своем мнении.

— Мы все геометры, потому что вошли в храм Муз именуемый Академией, — попытался всех примирить Аристотель. — Нам ведомо высокое и чистое знания бытия. Знание делает нас избранными. Оно очищает нас от скверны несовершенного мира, который мы призваны усовершенствовать. Не будем мелочиться и опускаться до банальности. Предлагаю компромиссный вариант. Пусть каждый возьмет свою горсть пепла и сделает с нею то, что предложил. Мы должны доверять друг другу, потому что являемся хранителями великих Истин.

— Нет, — категорически заявил Спевсипп. — Я его ближайший родственник. Я и должен его похоронить, как сочту должным. Мы с ним царских кровей, поэтому не гоже нашим прахом разбрасываться где попало...

Собеседники не стали с ним спорить, но было очевидно, что каждый притаился в намерении осуществить свой собственный замысел. Желая отвлечь внимание от этого зашедшего в тупик вопроса, Аристотель вновь вернулся к теме выбора имени буду-

щего новорожденного «сына полка». Опять возникли самые разные варианты и даже весьма экзотические сочетания букв великого древнегреческого алфавита.

— Если будет мальчик, — решительно пресекла все разговоры об именах сама будущая мама Аксиотея, — назову его Платошкой, если девочка — Платонидой...

— Эх, платониада ты наша! — добродушно усмехнулся Аристотель.

— А у нас с Учителем были исключительно высокие платонические отношения... — призналась всем другая девушка. — У нас происходили только идейные соития...

— Вот с нее я и буду делать свою статую Грации... — решил Спевсипп, воодушевленный речами своей юной воспитанницы. — Как там тебя, Ластения или Ластенейя?! Раздевайся, будешь мне сейчас позировать...

Как выяснилось, истинным призванием Спевсиппа была на самом деле не философия, а скульптура. Но это выяснилось слишком поздно для того, чтобы ему стать профессиональным скульптором. Он неплохо лепил из глины различные фигурки и к тому времени уже созрел в своем мастерстве до крупных скульптурных форм.

— Может быть, вы этим займетесь чуть позже... — предложил ему Аристотель. — Эротика — вещь хорошая, но отвлекает философский ум на разные глупости...

— Да, у нас есть еще один вопрос, который мы не определили до конца. — Согласился с ним Ксенократ. — Мы должны составить официальную версию смерти нашего незабвенного Учителя, чтобы избежать в народе кривотолков.

— О каких кривотолках идет речь? — поинтересовался у него новый хозяин Академии.

— О том, что он умер на свадебном пиру при весьма странных обстоятельствах... Сам всем твердил «знай меру», а сам же эту меру якобы и нарушил...

Последний пир. Ученики великого мастера вдруг пришли к выводу, что они так и не выяснили, от чего умер их Учитель. Вроде бы внешне был здоров и бодр. А в последнее полгода он вообще словно ожил и почувствовал вторую молодость. Был полон новых творческих планов. Только что завершил своего «Крития» и собирался писать его продолжение.

— Необходимо собрать все факты, проанализировать события и прийти к истине... — предложил Аристотель. — Применим на практике то, чему он нас сам учил...

— Был свадебный мир... — начал с ходу собирать факты Спевсипп. — А кто был женихом и невестой, я так и не понял... Кто вообще нас приглашал на эту пирушку?

Все с удивлением посмотрели на Спевсиппа.

— Что? — растерянно заморгал тот глазами. — Я чего-то опять не знаю? Ну, это уже слишком! Давайте колитесь, что на самом деле там было... Что я опять пропустил?

— Была свадьба, был юбилей, был пир... — выстроил вполне логическую цепочку Аристотель.

— Логично... — поддержал схолярх. — И что?

Аристотель задумчиво почесал себе бороду и озабоченно пробурчал себе под нос:

— Интересная мысль... Надо будет ее как-нибудь на досуге обдумать... Мыслим логично, а логики как таковой пока еще не существует...

— Не отвлекайся... — попытался вернуть его к теме их беседы новый схолярх. — Ты нам рассказывал о пире...

— Ну, так вот... — вернулся к прежней мысли будущий отец всемирной логики. — Был пир, на котором мы чествовали жениха с невестой, славили нашего юбиляра, а затем усмиряли вашу светлость, — он сурово и почему-то по-учительски посмотрел Спевсиппу прямо в глаза, — потому что кое-кто не умеет пить и держать себя в руках...

«Опять я виноват! — воскликнул про себя второй схолярх, стыдливо пряча от всех глаза. — Во всем виноват...»

— Свинья свиньей! — поднял к небесам глаза Аристотель. — Клянусь Зевсом, так руки и чешутся по розгам...

«Я его точно когда-нибудь травану! — выругался про себя Спевсипп, чувствуя, как слезы раскаяния начали наворачиваться у него на глазах. — Где моя склянка с цикутой?» — Он шмыгнул носом и вытер рукавом свое непроизвольное шмыганье.

— Короче, после твоего пьяного дебоша, явился незванным Диоген Киник и, как всегда, начал всем хамить... — продолжал свой рассказ Аристотель. — Мы его поколотили и выставили вон... Потом пили за здоровье жениха и невесты, затем за юбиляра и Академию... А после... — Он замаялся и вновь зачесал свою бороденку.

Все тоже напрягли память и раскинули мыслями. Каждый припомнил свои фрагменты прошедшего вечера, и ситуация стала еще более непонятной и запутанной. Ученики понимали, что чем непонятнее и запутаннее, тем больше находится умников, стремящихся разгадать секрет этого гордиева узла. А узел и впрямь никак не хотел у них развязываться.

— Надо допросить жениха и невесту, — неожиданно предложил Спевсим, — вдруг они чего-нибудь вспомнят... Пошлите за ними, пусть их сюда приведут...

— А чего их приводить?! — пожал плечами Ксенократ. — Невеста здесь, да и жених тоже рядом...

Все перевели свои взгляды на стоявшую с грузом беременности Аксиотею Флиусскую и сочувственно покачали головами.

— Это она?! — удивился Спевсипп. — Это мы вчера у нее были на свадьбе?

Все утвердительно закивали головами.

— А кто же жених? — все никак не унимался второй скорох, пытаясь примерить на себе прокурорскую тунику.

Все почему-то посмотрели ему в глаза и многозначительно вздохнули.

— Что? — понял и одновременно не понял их намека новый хозяин Академии. — Это на что вы тут все намекаете? — Аристотель трагически развел руками. — Не может быть! — упал духом несостоявшийся прокурор. — Ничего не помню...

— Меру надлежит знать... — мрачно пробурчал Ксенократ, намекая на стоящий в стороне кувшин поминального вина. — А ты вчера ради Учителя готов был выпить море вина и требовал, чтобы тебе его подали...

— Так, что же выходит — я муж этой дамы?! — Все еще не верил тот своим ушам и глазам.

— Нет... Ты только был женихом... А мужем стал другой... — еще больше запутал ситуацию Аристотель.

Спевсипп почувствовал, как у него начал медленно вскипать мозг. Казалось, что издевательства окружающих не будет никакого конца.

— И кто же этот счастливчик? — поинтересовался он у своих более информированных собеседников.

Те, не сговариваясь, кивнули в сторону траурной урны с прахом их Учителя. В Академии воцарилась гробовая тишина, словно она вся сама в одночасье превратилась в одну коллективную траурную урну.

— Я думал, что беременность одного из учеников — это самое удивительное, что я мог за сегодняшний день узнать... — только и мог выдавить из себя пораженный громом сенсации Спевсипп.

В это время и в самом деле послышались далекие раскаты грома, и небо заволокло с моря черными тучами. Начал накрапывать мелкий дождик.

— Чего еще я не знаю? — обратился чуть ли не с мольбой к своим собеседникам новый сколарх. — Можете меня не щадить. Добивайте...

— У меня от твоего дяди есть еще один ребенок, отрок Адимант, который сейчас живет с бабушкой в имении в Ифастиадах... — объявила ему еще одну новость Аксиотея, присаживаясь рядом с ним на соседний стул. — Так что поздравляю. У вас есть кузен...

— И когда он все успевал делать?! — пожал плечами тот. — В его-то возрасте и такая прыть!!! Хотя чему тут удивляться! У такого великого человека должен быть целый ворох не менее великих тайн... Надеюсь, он почил в бозе счастливым, с чувством выполненного долга...

— Он ушел в свой мир идей... — многозначительно произнес Аристотель. — Это не царство Аида, где обитают тени умерших. Мир идей — это живое пространство духа. Это, — он многозначительно постучал пальцем себе по виску, — то, что вечно будет с нами...

Спевсипп и сам раньше неоднократно слышал об этом мире Идей, но что это такое, он себе смутно представлял. Зато Аристотель утверждал, что их Учитель совершил великое географическое открытие — он открыл некий Мир Идей: колоссальный континент Мирового Разума, новую духовную реальность, тончайшую интеллектуальную материю, отвечающую за существование наших знаний: «Вот главный секрет Академии. Вот главная наша тайна, — повторял он в доверительных беседах с единомышленниками. — Главное в Идее — это ее смысл. Творец является в мир в образе человека и проявляет Себя в смысле царящих в нем идей, которыми человек руководствуется в своей жизни...»

Академия в их понимании как раз и была вратами в этот таинственный мир идей. И он теперь волей случая был назначен привратником этих самых врат, хранителем их ключей.

— А почему на этой свадьбе я был сначала женихом, а потом дядя стал мужем? — задал вполне резонный вопрос вконец раздавленный всеми обстоятельствами Спевсипп.

— Это скажи спасибо провокатору Диогену! — усмехнулся доселе невозмутимый к житейским страстям Ксенократ. — Это он тебя пьяного подзадорил и поймал на подростковое «слабо»: «Слабо, — говорит, — у дяди невесту на свадебном пиру отбить...» Ну, ты и завелся, сам полез в женихи...

— А что дядя?

— Посмеялся... — снисходительно улыбнулся Аристотель. — Ты полчаса побыл женихом, пока под стол окончательно без чувств не свалился... Вот тогда мы Диогена и помяли... А он нам в отместку начал распускать слухи, будто наш учитель умер от чрезмерного возлияния вина...

— Ну, надо же! — схватился опять за больную голову новый сколарх. — Ничегошеньки не помню...

— Да... Ты вчера, брат, был в ударе.... Ты даже пытался заменить на входе в Академию ее знаменитую надпись на какую-то свою...

— И что я предлагал там написать?

— Что-то вроде: «*Да не войдет в храм Бахуса девственная печень*»... — во второй раз улыбнулся Ксенократ.

— Нет, вчера это был явно не я... — попытался сам оправдаться в собственных глазах дебошир и баламут. — Я уважаю, конечно, бога вина и веселья Диониса, но никогда не пойду на предательство священных принципов бога просвещения и науки Аполлона...

— Как знать, как знать... — многозначительно посетовал по-старчески Ксенократ. — Не зарекайся... Время покажет...

— Ты лучше расскажи, чем это вы с Учителем занимались в течение последнего года? — поинтересовался у нового академического начальства Аристотель. — Теперь уже нет надобности молчать об этом. Что это за секреты у вас там были?

— Да никакого секрета мы из этого и не делали. — смущенно пожал плечами Спевсипп. — Просто никому об этом не говорили... Все дело в том, что год назад в подвале одного из родовых дворцов мы с ним обнаружили библиотеку нашего прадеда Солона. Многие старинные книги оказались в полной негодности из-за их ветхости и плесни. Нам пришлось их восстанавливать практически из праха... И кое-кому эта наша работа не понравилась... Кое-кто начал вставлять палки в колеса. Не буду называть их поименно. Вы их сами всех прекрасно знаете.

У всех в памяти всплыли слова незабвенного наставника, который всегда язвительно отзывался о своих родственниках, называя их «свинными аристократическими рылами».

Теория заговора. Известно, что те, кто пытаются скрыть информацию, уже участвуют в заговоре. И чаще всего организаторами подобных заговоров становятся закрытые элитарные сообщества. Те, кто прячут, всегда думают наперед о тех, кто это будет потом искать; те, кто ищут, пытаются думать так, как те, которые что-то от них спрятали. Как показывает история, человечество любит играть в прятки. Что-то прятать и что-то искать велит нам наш основной инстинкт — любопытство. В Академии, как мы знаем, искали спрятанные Логосом смыслы.

Спевсипп погрузился в свои воспоминания, и словно какая-то пробка заткнула ему уши, и он перестал слышать живой спор своих коллег. В его душе воцарилась полнейшая тишина, и память начала проводить активные реставрационные работы. И они вскоре принесли первые результаты. Известно, что мы сразу же включаем критическое мышление, когда наш разум подходит к границе понимания. Спевсипп знал, что Учитель любил пускать свой разум в свободное плавание по непознанным морям и океанам мира идей. Вот и в этот раз ему предстояло решить уравнение со множеством неизвестных.

На свадебном пиру перебивала половина Афин, а другая уже вовсю судачила, перемывая жениху бранные косточки. Вообще-то пир начинался как юбилейный, а затем как-то сам перерос в свадебный. Учитель решил совместить оба эти мероприятия, а затем к нему добавил еще и поминальное о себе самом застолье. Три в одном. Только он мог такое придумать.

Новый сколарх начал судорожно припоминать отдельные детали прошлого вечера, но всплывавшие в его памяти фрагменты никак не выстраивались в единую картину происшедшего. Припоминание было любимым тренингом академиков. На пиру Учитель много рассказывал о Критии, который приходился ему дядей. Именно он открыл ему семейные архивы их царского рода. Кодриды владели неким секретным знанием, передававшимся в их роду из поколения в поколение. Неделий ранее Академик завершил свой последний труд, который назвал в честь него — «Критием». В нем он поведал историю об Атлантиде. И это было последнее, что он сделал в этом мире.

Последней на пир заявила небольшая группа актеров в масках, которая принесла ему на подносе жареного лебедя. Кошунство! Лебедь — символ Аполлона, покровителя Академии, а тут такое... Да и на актеров эти гости были мало похожи. Самозванцы. Спевсипп узнал некоторых из них и под маской. Это были так называемые «хранители» — те, кто оберегал в их роду тайну Атлантиды.

Предупреждал его дядя: не доверяй родне! Мелкие и ничтожные личности, выродившиеся аристократические натуры, возомнившие себя вершителями судеб мира. Потомки афинских царей выродились в обычных лавочников с отупленным умом и распущенной нравственностью. Их погубят собственное чванство и глупость. Особенно их взбесило то, что Академик нашел их архив. Предупреждали, настаивали и даже

угрожали, чтобы они не ворошили прах прошлого. Но Академик был непреклонен. Он решил сделать все по-своему. Решил и сделал. Вдвоем они перебрали все эти ветхие книги. Информационный хаос был систематизирован и выстроен в логической последовательности. На их основе Академик написал новую книгу. Самим «хранителям» такого сделать было просто не дано. Ума бы просто не хватило.

Нет, они пришли на пир не просто так. Они пришли сюда уже с конкретной целью. И главной их целью был он — Учитель. Они шли убивать, о чем свидетельствовал принесенный ими жареный лебедь — намек на трагическое завершение земной жизни того, кто всю жизнь служил священным птицам Аполлона. И трагично, что в этот самый ответственный момент Учитель оказался один без поддержки своих верных друзей и учеников. Их всех умело на то время развели в разные стороны сообщники преступников.

Хмель постепенно выходил из него, и Спевсипп начинал все яснее и отчетливее припоминать детали, подсказывавшие ему ход вчерашних событий. Пока Ксенократ и Аристотель выгоняли с пира разбушевавшегося Диогена, родня в театральных масках обступила жениха и (о, ужас!) забросала его яйцами. Да не простыми, а вареными! Вот откуда на голове у Учителя взялась гематома. Да не куриными яйцами, а лебедиными! Изысканное в коварстве орудие преступления. И какое не слыханное для Академии кощунство!

— Убийцы! — вспомнил он поименно лица всех своих родственников, но уже без масок. — Ну, ничего! — Сжал губы новый сколарх. — Прилетит и им всем из Академии подарочек! Академики своих в беде не бросают! Академики врагов добивают! Кто не с нами, тот против нас... — сформулировал он впервые ставшую впоследствии крылатую формулу идейной борьбы за истину.

И тут вновь словно обухом ударило по голове, и он вспомнил, как один из убийц, угрожая ему самому своим кривым кинжалом, требовал выдать семейный архив Солона, якобы похищенный Учителем у самих «хранителей».

— И что я сделал? — сам себе задал тяжелый вопрос Спевсипп, и тут же коварная память выдала ему следующую порцию откровений. — О, боги!!! Я его им отдал! Я предал Учителя! Я указал им то место, где хранился архив. Простой дубовый ларец в виде скамьи, на которой сидели новобрачные... О! Я — предатель! Я пропал! — В отчаянии схватился за больную голову сколарх. — Мне не пережить такого позора...

А что же Учитель? Академик снисходительно улыбнулся: «Не велика потеря! Могло бы быть и хуже...» — небрежно бросил он ему. После этого они его и забросали (расстреляли) вареными яйцами. Ничтожества! Из целого залпа всего лишь одно яйцо попало Академику в его бесценную голову! Мазилы! Но и этого хватило для того, чтобы отправить старика со свадебного пира на тот свет.

— Как я могу обо всем этом рассказать своим друзьям по Академии! — пришел он к неутешительному выводу. — Позор! Я буду проклят! Теперь я вынужден все это вечно хранить в себе... К тому же эта история с Атлантидой... Дядя завещал мне хранить эту тайну, я не могу отступить ни на йоту от данного ему слова... Лучше солгать, чем предать. Лучше прикинуться наивным дурачком, чем получить предательский удар кинжала в спину... А они, эти знания, лежат себе преспокойно на столе в виде свитка книги «Критий», и никто на них не обращает никакого внимания...

Спевсипп вздрогнул, словно кто-то выбил пробку из его ушей. В него вновь стали проникать шумы и звуки внешнего мира. Его коллеги по Академии живо обсуждали события минувшего вечера, и каждый вновь настаивал на своем.

«Видимо, — подумалось ему, — так и должно быть... В многообразии наше спасение...»

За жаркой дискуссией собеседники и не заметили, как наступил вечер, а затем и ночь спустилась на Землю, как величественно вошла Луна и над их головами высыпали мириады звезд. Еще некоторое время они устало сидели за столом, придавленные общим горем, и в молчании смотрели на урну с прахом. Разошлись все уже далеко за полночь, утомленные от пережитого и отягощенные грузом новых открывшихся истин.

Ночной страж. Урна с прахом по-прежнему стояла между свитком завещания и «Критием», ожидая окончательного решения высокого синклита. Спевсипп решил провести ночь в бдении возле праха своего любимого дяди, дабы поутру торжественно захоронить его в глубине парка Академии в специально сооруженной гробнице. Ночь обещала быть темной и тихой. Но вот спокойствия в душе у наследника не было и в помине. Новости минувшего дня вывели его из равновесия и душевного спокойствия.

Случайным соучастником этого его ночного бдения оказался прилетевший неизвестно откуда шальной соловей. Лесная птица уселась на ветви соседнего оливкового дерева и затянула свои задушевные трели. Соловей надрывался, изо всех сил стараясь привлечь к себе внимание незамужних соловьев. Откуда он взялся и почему выбрал именно это место для своей любовной серенады, никто не знал. Он пел потому, что не петь не мог. Но для нового сколарха Академии его пение воспринималось как погребальная свирель Аида. И он уныло затянул мелодию народной песни: «Тут соловей весну провожает...»

На сердце лежал тяжелый камень неожиданной утраты, а вновь открывшиеся обстоятельства еще более усугубляли его горе. И никакие соловьиные пения не могли заполнить образовавшуюся в его душе пустоту. Пустоту одиночества, на которую давил вакуум отчаяния и полной профессиональной непригодности.

— Ты был мне как отец... — В какой-то момент прикрыв глаза, вступил он в беседу с прахом в урне. — Ты часто журил меня: «Ничего не бойся. Делай что должно, а ежели чего, я тебя и с того света достану...» Но последняя твоя шутка меня просто добила... Такого я от тебя откровенно не ожидал...

Неожиданно из-за ближайшей колонны показалась какая-то одинокая тень. Спевсипп от неожиданности даже вздрогнул. Неопознанный ночной объект бесшумно скользнул вдоль перил лестницы и приблизился к столу.

«Вот оно... Началось... — тревожно подумалось новому сколарху. — Это Аристотель... Только он так хрипит своими бронхами при напряженном дыхании...»

Ночному сторожу даже не потребовалось открывать глаза, чтобы идентифицировать этого злоумышленника. Он продолжал как ни в чем не бывало сидеть со скрепченными на груди руками, изображая глубокий и безмятежный сон.

Ночной вор протянул свои дрожащие от волнения руки к заветной урне. Спевсипп даже не шелохнулся. Похититель осторожно пересыпал часть драгоценного груза в какую-то принесенную им емкость и так же бесшумно растворился во мраке ночи.

— Ему бы только шпионом работать... Как кошка, в темноте крадется, ни один часовой его не заметит! — успел похвалить его Спевсипп.

Спустя час в лунном свете показались еще две робкие фигуры, которые сами пугались любого шороха и любой ночной тени. Они крадучись приблизились к заветному столу и тоже протянули свои трясущиеся ручонки к урне.

«Так... — подумал, чуть поддергивая веками, Спевсипп. — И эти туда же... У всех руки трясутся... Значит, честные люди — впервые воруют...»

Дрожа как осенний лист, барышни отсыпали в какую-то тряпицу часть праха любимого Учителя и поспешно ретировались, неловко спотыкаясь впотьмах о кусты и кочки парка.

«Ну, теперь, стало быть, настала очередь Ксенократа...» — Без капли сомнения решил дожидаться и его прихода сколарх. И не ошибся.

Последний злоумышленник появился уже под самое утро. Он появился с первыми петухами и тоже осторожно открыл крышку урны. Несколько секунд промедления — легкое замешательство. Спевсипп осторожно приоткрыл веко. Утренний вор искал, куда бы ему пересыпать часть праха, и, не найдя ничего лучшего, взял в руки свиток «Крития». Ловким движением он оторвал конец свитка и, смастерив из него что-то вроде пакетика, отсыпал и свою долю драгоценной реликвии, словно это были жареные семечки.

— Ну, все... — упал духом племянник. — Раздербанили старика! Пошел теперь гулять его прах по закоулкам истории... Прости, дядя! Не ведают, что творят...

Он сам не мог себе объяснить, почему он тогда позволил всем растащить останки их Учителя. Видимо, полагал, что каждый достоин хотя бы крупинцы его памяти. Заглянув с первыми лучами рассвета в урну, он обнаружил там примерно четверть того праха, который был принесен младшими учениками с погребального кострища.

— Ну, хоть здесь все по справедливости у нас вышло... — положительно отозвался он о совести своих друзей. — Значит, можно с ними философствовать и дальше... — Но взглянув на неровные края свитка «Крития», он чуть не выругался. — Вот сволочь... Взял и испортил такую книгу... «И вот Зевс создал всех богов, — прочел он последнюю строчку, — и обратился к ним с такими словами...» Так..., конец варварски оборван... Интересно, а с какими это словами Зевса прах Учителя отбыл нынче утром из Афин?.. На самом интересном оборвал историю Атлантиды! Теперь уже и не вспомнишь, что рассказывал наш дед Критий об этом идеальном государстве... Выходило, что Атлантида погибла сегодня уже во второй раз...

Он призадумался. Так ли это на самом деле? Да вовсе нет. В его голове отпечаталась каждая строчка этой последней работы Учителя. Следовательно, пока он жив, это знание не утеряно. Он является его живым носителем. А чернила его памяти никогда не высохнут. Теперь он — бесценное сокровище. В нем живет и обитает сокровенное знание мира.

— Надо себя немного поберечь... — решил Спевсипп. — Я ведь теперь особо важная персона... — не без сарказма усмехнулся он.

На этом наша история подходит к своему завершению.

Говорят, что одна из любимых учениц Академика какое-то время жила с новым сколархом, но в конце концов, утомленная его глупостью, сбежала с солдатами Александра Македонского завоевывать новое политическое пространство для достойного места в истории эллинской культуры... В память о ней Спевсипп поставил в роще Академии статую Грации — точную копию той самой земной грации, с которой он так счастливо жил, хотя некоторые утверждают обратное, что это, дескать, статуя была на самом деле точной копией идеи грации... Но как там все было на самом деле, установить теперь уже не представляется возможным. Поэтому каждый волен трактовать эту историю по-своему, кому как нравится...

КОРОНА БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Вот уже как четверть часа они, не отрывая глаз, в упор смотрели на пятнадцатикаратный бриллиант и не могли поверить своим глазами. Караты были, а бриллианта — нет:

— Неужели и этот фальшивый? — наконец с трудом выдавил из себя главный герольдмейстер двора Ее королевского величества королевы Великобритании.

— И к гадалке не ходи... — вынес свой безжалостный вердикт ювелир.

— Это катастрофа! Завтра коронация, а у нас тут такое...

Приглашенный для чистки и приведения в порядок королевских регалий ювелир одной из старейших лондонских фирм беспомощно развел руками и вытер выступившие на лбу крупные капли холодного нервического пота:

— Фальшивки... Половина брильянтов — простые стекляшки... И, судя по всему, они были заменены уже давно...

Предмет, который они столь долго и тщательно изучали, представлял собой венец с чередующимися четырьмя крестами и четырьмя геральдическими лилиями, выше которых от крестов шли четыре полудуги, венчающиеся шаром с крестом. Внутри этого предмета имелась бархатная шапка с горностаевой опушкой. Изделие именовалось «Короной Британской империи» и готовилось к самому главному событию в ее жизни — коронации. И вдруг открылось, что она не в рабочем состоянии. Ювелир был этим просто психически потрясен, физически разбит и морально раздавлен. Фиаско! Конфуз! Скандал! Позор! Катастрофа!

— Н...да... Ну, и дела... — только и мог вымолвить тоже потрясенный происшедшим открытием придворный. — Сказать кому, ведь не поверят, засмеют... Обвинят в кощунстве над святынями, а еще хуже клеймо «коммуниста» поставят... А с таким ярлыком у нас я только до первого газетного киоска смогу дойти...

Он панически начал перебирать в уме различные варианты своих дальнейших действий, и все время выходило, что он оказывался крайним. А быть стрелочником на этом празднике британской жизни ему вовсе не хотелось. А тут еще этот въедливый зараза ювелир, все сует и сует свой любопытный нос в тайные монаршие дела. Он ему сразу не понравился — уж больно честен и принципиален.

— Что же делать? Что же делать? — томился в мучительных раздумьях главный герольдмейстер Британской империи. — Свалить все на большевиков. Все равно никто Москве не поверит и даже проверять не станут...

— О! Я стал великим! — тем временем раскидывал мозгами ювелир, представляя себя купающимся в лучах нежданно-негаданно свалившейся славы. — Ведь только Архимеду и мне удалось доказать фальшивость короны своих правителей. Он спас от позора тирана Сиракуз Гиерона, а я спасу от позора британскую монархию... Спасу? Стоп... А что если сама британская монархия... — Потрясла его мозг последняя догадка, которая была им тут же решительно отринута вследствие ее полной абсурдности. — Нет, нет... Это невозможно! Этого не может быть, потому что этого не может быть... — Тут же нашел он для всего этого веские оправдания. — Что за странная причуда!

Сомнения вроде бы ушли, но скепсис почему-то остался.

— Итак, что мы имеем... — попытался начать хоть как-то трезво мыслить придворный чиновник, суммируя все «pro et contra» по имеющимся в его мозгу полочкам. — Мы имеем самое настоящее мошенничество в самой крупной форме... Факт очевидный и неприятный... Скандал обеспечен, если мы окажемся честными людьми... Но мы таковыми на это время можем с вами и не оказаться... Вы согласны со мной, коллега? — и, не дожидаясь его утвердительного и несколько заторможенного ответа, продолжал: — Никто не сомневается в вашей порядочности... Но... Это, батенька мой, политика, и политика весьма крупных масштабов... Вы читали Макиавелли? — Тот машинально кивнул головой. — Ну, так вот... Поступим так, как он там нам всем советует... Чуть-чуть отойдем от морали в сторонку и не будем кое-чего какое-то время замечать... Мы ведь все равно не можем ничего изменить... Коронация уже завтра... Пусть идет все, как шло, а там видно будет... — практически убедил своего собеседника главный герольдмейстер двора Ее королевского величества.

Раньше он думал, что может найти выход из любой черной дыры. Но где ему было взять столько брильянтов в столь кратчайший срок, он понятия не имел. У правды оказались слишком жесткие объятия. Она жгла душу и раздирала сознание. Она без-

жалостно душила и не давала дышать свободой. Собравшимся все больше становилось ясно, что в словосочетании «корона Британской империи» нет ни одного правдивого слова. Хотя Истина была где-то совсем рядом, ее никто не хотел видеть.

— Интересно... — промелькнула попутно в голове у ювелира шальная мысль. — А корона святого Эдуарда тоже фальшивка? Там почти два килограмма чистого золота и четыре сотни драгоценных камней... Не удивлюсь, если она давным-давно уже заложена в каком-нибудь банке Ротшильдов...

Любители теории заговора могут найти немало доводов, чтобы поверить в эту историю. Порой бывает, что то, что у всех не вызывает никаких сомнений, чаще всего само оказывается сомнительного происхождения. Герольдмейстер своевременно вспомнил слова покойного короля, невзначай брошенные им за несколько недель до его кончины: «Ну, что вы хотите?! Еще наша прабабка королева Виктория выковыривала из короны брюлики, когда ей надо было срочно заплатить по долгам правящего семейства... То сынишка в карты продуется, то муженек в рулетку просвистит, то внучок на актрисах погорит...»

«Тогда никто об этом всерьез не задумывался, — с тяжелым сердцем подумал придворный. — Все верили, что будут вечно жить... А вышло так, что после них хоть всемирному потоку лейся, хоть траве не расти...»

— Как вы думаете, — обратился к нему ювелир, — стоит ли нам доложить об этом инциденте премьер-министру?

— Вы с ума сошли!!! — с ходу категорически отверг это предложение царедворец. — У этого жирного борова и без нас полно проблем... Надо будет, он сам узнает, но только не от нас... И не сегодня... Не забывай, что мы живем в эпоху охоты на ведьм... Один неверный шаг, и ты уже сам на помеле на шабаш ведьм летишь... А меня подобная перспектива мало привлекает.

— Похоже, что и главный брильянт тоже умелая копия подлинника... — продолжал тем временем свои критические исследования ювелир, внимательно рассматривая через контактную часовую лупу синий сапфир святого Эдуарда. — Я слышал байку, будто бы еще наш король Георг проиграл его в карты русскому царю Николаю, когда тот гостил у него в Лондоне... Через то и революцию в России поддержал... И так был ему неприятен этот его русский кузен, что король даже и слышать о нем не мог...

— Я бы за это дело на него не только бы всех собак революции спустил, но еще и всех марсиан натравил... — внимательно разглядывая главный алмаз, сухо проговорил главный герольдмейстер. — От этих русских мы до сих пор икаем, как в страшном сне...

— Только нашествие марсиан и может спасти нас от неминуемого позора...

— Не будем омрачать нашу национальную историю своим прискорбным фактом...

— И как их только раньше не разоблачили?

— Да кто же их будет разоблачать?! Они же все джентльмены... Им же вообще все всегда привыкли верить на слово...

— По-хорошему все это дело следовало бы засекретить лет на сто пятьдесят, и чтобы оно вообще еще лет двести или триста на Божий свет не вылезало...

— Н... да... Мы уже столько всего на свете засекретили, что под грузом этих секретов Британские острова скоро пойдут ко дну... Любим мы секретничать, особенно когда рыльце в пушку... Весь мир уже над этим смеется... Если что засекретим, значит, виноваты... Я давно уже заметил, что если у нас что-нибудь начинают засекречивать, значит, где-то вылезли ослиные уши наших спецслужб...

— Н... да... Бедная империя... — тяжело вздохнул эксперт по брильянтам.

— Мне порой чудится, — признался своему собеседнику придворный чиновник, — что Британская империя держалась исключительно только на тонкостях нашего изыс-

канного английского юмора. Но три года назад со смертью последнего великого юмориста Британии Бернарда Шоу умерла и сама Британская империя... Жить без юмора — значит скатываться в тупик глупости... Пошлость этих фальшивых камней.

— Мы, британцы, не знаем нашу историю, потому что нам за нее стыдно

— Это вы о сипаях или вообще... Я не удивлюсь, если выяснится, что сипаи сами себя расстреляли вследствие неосторожного обращения с оружием...

Из всех известных драгоценностей лишь рубин «Черный принц» не вызывал у ювелира никакого сомнения. Зато две другие всемирно известные драгоценности — алмаз «Куллинан-II» («Малая звезда Африки») и вставленный в тыловую часть обода короны сапфир Стюартов — вызывали неприятные профессиональные опасения. Не ровен час, и на них экспертизе пришлось бы поставить клеймо — «недостовверные королевские регалии».

Ювелир уже мысленно представил себе толпу журналистов и ту шумиху, которую поднимут мировые СМИ, узнав об этом деле. В истории и из-за меньшего конфуза случались мировые политические катаклизмы. А тут такое! От напряжения в его ушах зашумело давление, словно в них ожили футбольные трибуны. В висках настойчиво застучала мелкой дробью одна и та же противная до тошноты мысль: «Какой позор!» или просто «ПОЗОР!».

— Корона фальшивая, как и вся наша империя... — бесстрастно или, точнее сказать, с присущим ему британским холоднокровием, произнес придворный. — Вот что умели хорошо делать все Виндзоры, так это блефовать...

— Но кто и когда совершил эти подмены? — Все еще продолжал пребывать в своем наивном заблуждении приглашенный в аббатство специалист.

Придворный чиновник цинично усмехнулся.

— Вам не кажется, что вся эта история сюрреалистична? Она как-то унижительная для чести нашей великой державы, — продолжал стыдиться происшедшего ювелир. — Это только большевики могли выковыривать брильянты из короны своей империи, а тут получается, чем мы их лучше? Мы — британцы! Цвет и гордость прогрессивного человечества! Во всем передовая нация! Пример свободы и демократии... И тут такое... Я понимаю, когда шакалы выдают себя за волков. Но чтобы волки выдавали себя за шакалов — это уже перебор...

— Прекратить истерику! — Приводя в чувства, шлепнул его по щеке царедворец. — Возьмите себя в руки! Ведь вы же британец! «God save our gracious Queen (King)!» — патриотически затянул он гимн Британской империи.

— Я, конечно, патриот, но у меня в голове не укладывается, что это могли сделать сами британцы без чьей-либо посторонней помощи...

— Я уже и сам подумал грешным делом о коварной руке Москвы... — поделился с ним своими соображениями невозмутимый до цинизма придворный. — Знающие люди утверждают, что у нашего премьер-министра есть даже копия отпечатков пальцев самого Сталина, которые он получил еще на Тегеранской конференции. Говорят, что это уже помогло нам в нескольких секретных операциях «М16»... Сталин умер... Теперь на него можно всех собак и кошек вешать...

— Но тогда мы должны признать хотя бы для себя, что наши венценосцы банальные воришки... — практически шепотом, но все-таки осмелился заикнуться о какой-то видимости правды ювелир.

— Давайте не будем драматизировать события... Ведь тут самое главное — под каким углом посмотреть на всю эту историю. Пусть это будет не фальсификация, а реконструкция утраченных королевских регалий... — предложил свою формулу этого дела герольдмейстер. — Мы же не знаем, при каких конкретно обстоятельствах эти бриль-

янты покинули пределы нашей короны. Или что, другие монархии не имеют скелетов в шкафу своей истории? Имеют и еще какие-то скелеты! Наш скелет один из них, и всем будет лучше, если мы его не заметим...

— Очевидно, вы правы... — внял его доводам приглашенный ко двору специалист.

— Вы представляете, как себя будет чувствовать наша горячо любимая королева, если узнает о том, что корона на ее светлом челе является фальшивой?!

— Да, это очень тяжелая психологическая травма на всю ее последующую жизнь... — согласился с аргументами своего собеседника ювелир.

— Ее утонченная натура с этим может просто не справиться... — продолжал сгущать краски придворный проныра. — Мы должны проявить гуманизм и сберечь ее нервы. Это наш с вами прямой верноподданныческий долг!

Все было логично и весьма убедительно. Но ювелир почему-то призадумался на минуту. Повешенные собаки и кошки не давали его совести спокойно уснуть в беспечном сне патриотической британской гордости. Тревожные воспоминания не на шутку смутили его душу. Он вдруг припомнил одну странную закономерность: все предшественники его на посту ювелирной фирмы — отец, дядя, дед и прадед — умирали при невыясненных обстоятельствах и при странных причинах именно в год коронации очередного английского монарха: 1902, 1911, 1936 и 1937... И именно после того, как приходили во дворец чистить эту самую корону! И вот теперь он. Открытие было столь неожиданным и столь неприятным, что он от этой неожиданности неприятно вздрогнул и побледнел:

«Неужели теперь и моя очередь настала? — невольно подумалось ему. — И зачем я только заметил, что брильянты в короне фальшивые... — уже раскаялся он в своем несвоевременном прозрении, чувствуя, как начинают непроизвольно дрожать у него поджилки. — Бежать! — вдруг торкнула его прямо в мозг спасительная идея. — Бежать хоть на край света, хоть к папуасам... Нет, к папуасам не получится... — Тут же критически покачал он головой, оценивая свои шансы выжить в диких местах их проживания. — А вот к Советам — да... „Железная занавесь“ — надежное средство от сквозняков западного лицемерия. Они меня уж точно этим волкам позорным не выдадут...»

Оба собеседника с грустью посмотрели на сверкающие фальшью «брильянты» короны Британской империи. Корона была, а вот империи в ней уже не было видно.

— Каковы мы, такова и корона... — упаднически обмолвился специалист по ювелирным изделиям.

— Действительно... В последнее время Британию стало плохо видно на карте мира. Без колоний ее практически нельзя узнать... — продолжал жаловаться королевский герольдмейстер. — Раньше мы могли кому угодно дать в рыло, а ныне сами свое рыло стыдливо прячем под заплаканную подушку... При таких темпах деградации мы вскоре дойдем и до мышей...

— Сделать такое, и в кусты! — Все никак не мог успокоиться и прийти в себя ювелир. — И главное, им вообще не бывает стыдно за содеянное... Я всегда думал, что раз мне стыдно, следовательно, я все еще человек... А эти тогда кто, раз потеряли или глубоко запрятали свой стыд?! Н... да... Ничто животное короне не чуждо...

Он взглянул на своего толстокожего собеседника. С того этика как с гуся вода.

— Гм... — нервно прокашлялся ювелир. — Скверная история...

— Сквернее и не придумаешь... — согласился тот с ним. — Мы привыкли действовать под прикрытием нашего британского тумана и наводить его даже в самый ясный день... Не будем осуждать наших политиков. Они такие, какие есть. Мы с вами прекрасно знаем, что грязной политической работой могут заниматься только истинные джентльмены... А на мнение мировой общественности нам плевать с вершины Биг-Бена... Британские корсары к нашему времени доистребили в нас все, что нам ос-

талось в наследство от Шекспира и Чосера... Зато Британия правит морями... Точнее, правила морями... — тут же сам себя поправил придворный. — Печально, но что делать: империи приходят и уходят, а Шекспир остается...

И без того туманная репутация Британии была окончательно и бесповоротно подорвана. Но царедворец не унывал, продолжая упорствовать и настаивать на своем:

— Чтобы там ни говорили наши злопыхатели, — категорически и безапелляционно заявил он, словно выступая в стенах английского парламента, — но английская королева — это вечно девственное совершенство!!! Тот, кто усомнится в этой аксиоме, — недочеловек. Таких дикарей следует, не задумываясь, уничтожать, чтобы они не испортили всех остальных...

Между собеседниками воцарилось неловкое и неопределенное молчание. Было очевидно, что они оба с трудом переживают свалившуюся на них истину и заметно нервничают и плохо скрывают свою растерянность. Привычные стереотипы поведения уже более не работали, а новые они еще не смогли выработать. Им было о чем вдвоем помолчать. И этим своим молчанием они поминали безвозвратно утраченное величие империи Туманного Альбиона. Если бы кто-нибудь со стороны посмотрел в этот момент на их постные лица, то мог вполне подумать — «святые»...

Символичность фальшивых брильянтов в короне Британской империи было под стать переживаемому ими времени: смена исторических эпох, когда золото становилось позолотой, а истина перерождалась в фанатичную убежденность своей исключительности, даже если ты по уши сидишь в компосте лжи и суеверий. Они оба с трудом проживали момент крушения некогда величественной Британской империи и смутно себе представляли, как будут жить без своих любимых колоний. На их глазах некогда грозный британский лев превращался в домашнего английского пуделя.

За окном часы Вестминстерского аббатства пробили полночь, возвещая первые мгновения нового дня — 2 июня 1953 года.

А на малиновой бархатной подушечке, таинственно сверкая всеми своими брильянтами — двумя тысячами восьмисот шестидесятью восемью алмазами, двумястами семьюдесятью тремя жемчугами, семнадцатью сапфирами, одиннадцатью изумрудами и пятью рубинами — величественно и непреступно покоилась корона Британской империи...

То ли нравы изменились, то ли традиции испортились, а скорее всего, герольдмейстер двора не был посвящен в тонкости секретов Виндзорского семейства, но ювелиру удалось живым выйти на следующий день из аббатства и через сутки попросить политического убежища в Советском посольстве, наивно полагая, что из страны победившего коммунизма нет выдачи на дикий капиталистический Запад...

«ПРОЩАЙ, ДИКТАТОР!»

Известный журналист одного весьма солидного западного информационного агентства, а также ведущий колумбит нескольких топовых политических журналов, получив конфиденциальную информацию о том, что в одной африканской стране назревает очередной государственный переворот, поспешно прибыл для интервьюирования к ее бессменному президенту, в прошлом успешному просвещенному диктатору. Это интервью было обещано ему еще год назад, но по разным причинам неоднократно переносилось. И вот наконец настал тот самый долгожданный момент истины, когда дальше эту резину тянуть было уже нельзя, и журналист что есть мочи примчался в президентский дворец, расположенный в пригороде столицы на высоком каменном утесе. Примчался, презрев все средства безопасности. Примчался, как ему тогда казалось, за сенсацией. Потому что совершенно был уверен в том, что наступил ключевой момент истории этого маленького, но очень знойного государства.

Президент тоже с нетерпением ждал его, питая в отношении репортера какие-то свои корыстные интересы. Использовать других людей себе во благо было главным жизненным принципом этого искушенного и прожженного политика. А политика выжгла в нем все до основания. И он не знал, осталась ли в нем вообще душа (или то, что называется «душой»), или это всего лишь некая рекламная акция.

Уже при первой встрече, обменявшись многозначительными взглядами, они все сразу же поняли друг о друге. Самое главное — они друг друга стоили: фамильярности журналисту было не занимать; хитрости и коварства президента не было нужды более желать. Они прекрасно знали все тонкости своих профессий и были в них не просто асами, а самыми настоящими гуру (живыми легендами, имевшими как толпы восторженных почитателей, так и злостных завистников).

Журналист был в самом расцвете своих творческих сил, и его уверенный внешний вид выражал успех и высокую профессиональную самооценку. Он на все смотрел свысока и потому, что был высокого роста, и потому, что привык во всем побеждать и быть первым. Типичный янки из Коннектикута при дворе короля Артура. А перед ним был высохший старичок, возраст которого уже не подлежал никакому хронологическому определению. Лысый череп, черные глаза и белые зубы выдавали в нем типичного представителя Черного континента. В общем — они были представителями двух совершенно разных миров. И встреча их сулила им если не открытый конфликт цивилизаций, то весьма сложный диалог различных культур.

Репортер застал президента в его закрытой оранжерее, одетого в национальный костюм — набедренная повязка из леопардовой шкуры. Лето. Африка. Жара. Тут вам не до смокингов и бабочек. Президент стоял босяком на утрамбованном земляном полу и заботливо поливал из лейки свои роскошные растения.

А в оранжерее и в самом деле царило настоящее буйство тропических растений. Со всех сторон на приезжего глядели авокадо, гуава, манго, папайя, рамбутан, ююба... Все кругом сочно зеленело и цвело всеми цветами радуги. В таком райском окружении было даже как-то неудобно думать о мрачных политических страницах этого государства. Перед репортером был не кровавый диктатор (садист и изувер, как его представляли все прогрессивные западные СМИ), а милый старичок садовод, прекрасно разбирающийся во всех тонкостях своего красивого и миролюбивого ремесла.

«Надо ему поскорее задать вопросы, а то ненароком к концу интервью его может свергнуть его разгоряченный народ... — думал мимоходом журналист, вальяжно прохаживаясь в президентской оранжерее. — Так и озаглавлю свой материал: „Прощай, диктатор!“. Будет круто, если на моих глазах восставшие патриоты его еще и прикончат... Считаю, Пулитцеровская премия в кармане...»

Словно услышав ход его мысли, президент взял в руки секатор и предложил начать давно обещанное интервью.

— Сорок лет назад вы начали свое правление с проведением военной реформы... — задал свой первый вопрос журналист. — Подводя сегодня итог, что вы можете сказать на этот счет: удалось ли достичь желаемых успехов?

— Армия в нашем климате — самое незаменимое политическое средство от всякого рода нехороших эпидемий и невзгод... — неспешно отвечал президент. — Поэтому я всегда уделял особое внимание ее состоянию и развитию... В своей армии я давно отменил ношение всех знаков отличия, сделав форму свободной. Все знаки отличия стали носить на армейской обуви. Демократично. Сразу видно, что у нас армия не аристократов, а самая что ни на есть народная армия...

— А почему ваш сад назван «Вертепом Макиавелли»? — заметив огромный красочный баннер, спросил гость радушного хозяина тропического заповедника.

— Вообще-то, проектировщик допустил одну досадную ошибку... — немного сконфузился президент. — Его подвело его европейское классическое образование. Вообще-то, я хотел назвать этот сад «Вертепом Макака-велли», в честь нашего национального героя, моего, кстати, далекого легендарного предка... Но вышла путаница, и я решил: пусть будет так, как есть... Мой народ и так уже не помнит, кто такой Ма-ка-кавели, а уж тем более о каком-то там вашем Макиавелли и подавно не слыхивал...

Журналист высокомерно усмехнулся. Его классическое университетское образование подсказывало ему, что старичок просто тупит.

Познавательная во всех отношениях экскурсия постепенно продвигалась далее в глубь зарослей окультуренной природы. Проходя мимо растений, хозяин заботливо обрезал засохшие листья и колючки, подробно рассказывая о характере каждого своего ботанического питомца. Казалось, что он обладал бесконечными энциклопедическими ботаническими знаниями. И каждый новый куст, каждый экзотический цветок и лепесток тайл в себе какие-то новые неожиданные сюрпризы, открывал для гостя свои тропические тайны (порой даже весьма неприятного характера).

Так продолжалось некоторое время, когда гость совершенно забыл о цели своего визита. Буйная в своей дикой красоте природа его настолько захватила и очаровала, что он сам чуть было не стал ботаником. Он и не подозревал о том, что вскоре ему суждено было прозреть и окунуться в черные тайны африканского двора своего гостеприимного хозяина.

В начале экскурсии взгляд журналиста скользил по верхушкам растений. Любуясь безумным многообразием местной флоры, он на какой-то миг утратил свою политическую бдительность, попав под очарование своего собеседника. Но стоило ему опустить свой взгляд и пройти им по основаниям, как он обнаружил одну непонятную странность этого райского парка: все растения почему-то были посажены и произрастали из старой обуви.

— Я коллекционирую обувь своих знакомых... — заметив его удивленный взгляд, пояснил политик. — И друзья, и враги все здесь обрели свое успокоение и единство... Я слишком стар, чтобы держать все имена в памяти, но каждый ботинок напоминает мне о днях минувшей молодости...

— Странное у вас хобби... — озабоченно покачал головой журналист.

— Ничего тут странного нет... — пожал плечами ему в ответ президент. — У каждого народа свои причуды с военными трофеями. Например, соседнее племя тумба-юмба своих побежденных врагов съедают непременно в сыром виде. Дикари! Варвары! Что с них взять?! И они еще обижаются, когда мы их каннибалами называем! — Рассказчик даже брызнул слюной от смеха. — Более цивилизованные народы отрезают поверженным противникам уши или, как американцы, снимают скальпы... Да, это более цивилизованные зверства... Но я не сторонник даже и этих культурных экзекуций. Я однажды прочитал о том, что где-то на свете есть гуманизм, и решил следовать во всем этому примеру...

— Интересно, где это вы тут у себя в Африке могли такое прочитать? — не удержался и ехидно буркнул репортер.

— А когда еще учился в Университете Патриса Лумумбы! — улыбнулся ему в ответ президент. — Нас там учили дружбе народов и тому, что есть врага или друзей это нехорошо... До сих пор у меня вставная челюсть, после того, как мне студенты в общаге это объяснили... — Слово «общага» хозяин оранжереи произнес почему-то на чисто русском, чем в немалой степени вверх в изумление и ступор своего дорогого западного гостя. — Поэтому успокойтесь, — хитро подмигнул он ему, — вас лично я есть сегодня не буду... У меня и без вас холодильники забиты различными заморскими деликатесами... — Журналист вздрогнул и побледнел, а его собеседник опять

хитро улыбнулся и успокоил: — Шучу... Шучу... Вы продолжайте задавать мне свои вопросы... Продолжайте... До обеда еще время есть...

С трудом сглотив застрявший в его горле ком, блогер глубоко вздохнул и решил поговорить о чем-то более приятном.

— Я видел там несколько женских туфель... — напомнил он диктатору. — Что это?

— То обувь моих бывших жен... — не моргнув глазом, отвечал политик. — В них удивительным образом цветут орхидеи... При жизни все до одной были форменными фуриями, разве только на помеле на шабаш не летали! Но как после смерти все расцвели! Тут невольно призадуматься о превратности бытия, ведь и прекрасные бабочки в прошлом были отвратительными гусеницами...

Президент осторожно протянул к цветку указательный палец, и на их глазах от растения отделился какой-то «лепесток» и сел на край его корявого ногтя. «Лепестком» оказалась трепетная тропическая бабочка, которую президент протянул гостю.

— Возьми ее и ощути, как хрупок мир...

Журналист протянул навстречу подарку свой средний палец, и бабочка беззаботно пересела с одной руки на другую. Символичен сам этот жест был с точки зрения культурного постмодернизма и симптоматичен с точки зрения дикого колониализма.

«Сейчас повстанцы, наверное, уже штурмуют президентский дворец! — думал тем временем репортер, беззаботно разглядывая бабочку. — Должно быть, уже взяли и телеграф, и банки, и вокзалы... Хотя... откуда в этой стране банки и вокзалы! А если даже они у них здесь и есть, то стоит ли такую рухлядь вообще кому-то брать?! А этому дикарю присуще чувство прекрасного...» — оценил по достоинству красоту бабочки гость с самого крайнего Запада.

«Вот так всегда... — думал во время возникшей в их беседе паузы сам бывший диктатор, продолжая терпеливо выгуливать гостя в зеленых зарослях своей оранжереи. — Ты им протягиваешь руку дружбы, а они тебе в морду тычут своими передовыми цивилизационными технологиями и ценностями...»

— А чьи эти здесь торчат сандалии? — небрежно пнул ногой колумбит уже полуразложившуюся обувь от какой-то безымянной китайской мануфактуры.

— Эти сандалии оставил мне один лауреат Нобелевской премии мира... — ударил в пространные воспоминания политик. — Приехал как-то ко мне, чтобы поздравить меня с днем рождения, и говорит: «Позволь тебя отхепибездить!» Ну, отхепибездил... И говорит: «Надо, — говорит, — чтобы в вашей стране соблюдались права человека, а для этого надо отменить смертную казнь». Я ему в ответ: «Так я ее давно уже отменил... А то, что политики как мухи мрут, так это климат у нас такой нехороший... Эпидемий всяких плохих полным-полно... Без стойкого иммунитета у нас тут делать нечего... А у вас, кстати, как со здоровьем? — неожиданно поинтересовался вождь у гостя.

— Спасибо, не жалуюсь. — Чуть было не поперхнулся воздухом западный корреспондент. — А что?

— А ничего. Этому лауреату наш климат совсем не подошел... Уж больно хлипким он на наш вирус оказался...

Неторопливая прогулка располагала к такой же неторопливой беседе. Но прежней вальяжности и спокойствия в душе журналиста уже не было. Вместо этого появилось совершенно новое ощущение — некий необъяснимый экзистенциальный тремор белого человека, оказавшегося перед мрачной бездной инородного континента.

«Боже! Куда же это я попал!? — мысленно взмолился журналист. — А эта „обезьяна“ уже начинает мне действовать на нервы...»

— Кто я такой? — задал в общем риторический вопрос президент и сам же не поленился на него ответить: — Я тот, кто лучше всех в этой стране может управлять ор-

ганизованным политическим хаосом. Мне все время везет, потому что я сам организовываю себе это везение. Но в отличие от карточных шулеров, я всегда играю чужими картами и стараюсь играть за всех одновременно... — Он как-то подозрительно взглянул на репортера, и у того по спине поползли мурашки жуткого сомнения относительно того, зачем он вообще сюда приехал. — Те, которые хотели меня свергнуть, сами желали быть диктаторами. Я сам этим недугом давно уже переболел и не желал, чтобы эта болезнь распространялась в моей стране. Я первым выдвинул лозунг «Долой диктатуру!».

— То есть вы хотите сказать, что вы демократ? — недоверчиво поинтересовался у него гость.

— Демократия в нашем государстве — это очень страдательный проект... — откровенно признался ему президент. — Я самый главный страдалец моей страны. Я каждый день часами прогуливаюсь по этим зеленым аллеям и поминаю всех, кто когда-то бросил вызов мне, кто боролся с моей диктатурой за свою диктатуру. И я понимаю, что я не самый худший диктатор. Таких, как я, еще надо поискать...

— Но все погибшие погибли за демократию и свободу! — попытался отстаивать свою позицию колумбит.

— Нет, эти погибли не за демократию и не свободу, а за новую диктатуру, ибо в нашей стране кого ни свергай, все равно то же самое после будет... — разочаровал приезжего своим откровением хозяин фазенды. — Не умеем мы новое создавать, зато умеем старое дурно копировать... Нет... Свобода и демократия здесь ни при чем... Погибших сгубили их собственная глупость и чрезмерные амбиции. Я их всех пережил потому, что знал истинную цену себе и им. И никогда я никого не переоценивал и не недооценивал... Вы не представляете себе, сколько кактусов взросло на несостоявшихся амбициях глупцов!

— Я вижу у вас тату... — решил перевести стрелки их беседы с кактусов на что-то более интимное журналист. — Расскажите мне о них...

— А... — небрежно махнул рукой бывший диктатор. — Шальная студенческая молодость: менты как-то дело шили... Я тебе откровенно признаюсь: у меня были хорошие учителя. Они в меня вложили одну прописную истину: *не верь, не бойся, не проси...* И ты знаешь — помогает... Я пережил многих потому, что никому не верил, ничего не боялся и ни у кого никогда ничего не просил...

«Придушить бы его сейчас собственными руками! — мелькнула в голове у блогера отчаянная мысль. — Да нет гарантии того, что эта образованная обезьяна не бросит мне в упрек: „И ты, Брут!“»

— В этой оранжерее, — продолжал тем временем свою экскурсию президент, — собрана практически вся элита нашего государства... Ведь у нас главный признак элиты — есть ли у тебя обувь, или ее у тебя нет... — Он критически посмотрел на свои босые ноги. — Я не в счет... Я вне этого правила... — Тут же отметил он, заметив на своих ногах любопытный взгляд репортера. — Я не элита. Я народный вождь... Лидер нации... Наша всеобщая любовь и надежда... Наша демократия требует, чтобы высшие власти и народ были едины... Этот сад — живой учебник нашей политической истории. И я должен признать, что растения порой бывают лучше своих прототипов... Что такое человек? — философски вдруг спросил рассказчик и со знанием дела отвечал: — Гумно на свалке мировой истории...

Журналист нагнулся над очередным рядом ботинок.

— О! Да это же американские... — чуть было не воскликнул он, заметив на них знакомый с раннего детства лейбл: «Made in USA».

— Да... Это американский спецназ... — как-то обыденно-скучно подтвердил его догадку президент. — Морские котики... Я им говорил: «Ребята, это Африка! Куда вы лезете?! До моря далеко, до меня высоко». А они: «Нет, приехали свергать, значит,

готовься...» Вот и пошли все на компост... Удивительное дело... — с видом университетского профессора заговорил вождь с журналистом, по-отечески обхватывая его за плечо. — Что бы я ни высаживал в их ботинки, все равно вырастает анаша...

Из ботинок с пометкой «US» действительно торчали сочные кусты классической конопли. Журналист вдавил в плечи голову, и первый раз поискал глазами выход из этого зеленого лабиринта американских неприятностей.

— Сегодня мне должны подогнать новую партию освободившейся обуви... — доверительно признался ему президент. — Хочу спросить у тебя совета, что в них лучше всего посадить — плевелы или зерна? У вас есть какие-нибудь пожелания?

Пожеланий не было. Была досада на повстанческие патриотические силы, с треском провалившие ожидаемую им сенсацию. Президент продолжал пространно рассуждать о превратностях политического бытия, а у его гостя из головы не выходили ботинки с проросшей в них коноплей. С одной стороны, конопля вызывала приятные воспоминания о беззаботной студенческой жизни; с другой стороны, пустые ботинки его сограждан навевали тревожные раздумья о превратности армейской удачи.

«Вот дьявол!» — в сердцах продолжал сетовать журналист, имея в виду черную душу своего собеседника.

— Бог дал человеку мораль, дабы отделить его от животного и сделать из него человека... — невозмутимо продолжал диктатор сеять в его душе зерна сомнения. — Дьявол, желая погубить человека, стремится изъять у него этот дар... И он придумал, как это сделать. Для реализации этого своего коварного замысла он придумал политику...

Наконец они подошли к свободному пространству, где действительно стояли новыми стройными рядами пустые военные ботинки.

— Вот посмотрите... Это та самая свежая партия, о которой я только что вам говорил... Прибыла... — тяжело вздохнул бывший диктатор. — Это уже сто девятая попытка моего свержения... Кругом одни заговоры! Вы не представляете себе, какое это скучное дело — подавлять перевороты... Все грезят государственными переворотами, словно они панацея от наших социальных бед... Все никак упокоиться не могут... Вот эти генеральские ботинки еще сегодня утром принадлежали моему большому другу — начальнику генерального штаба, который сегодня утром вдруг ни с того ни с сего решил стать путчистом... Он очень любил фейхоа... Окажем ему последнюю почесть и посадим на его прахе это красивое растение... — Президент присел на корточки и стал горстями пересыпать в генеральский ботинок из траурной урны кремированные останки своего друга. — Помогите... — обратился он к журналисту: — Плесни сюда водички...

У блогера от всего этого закружилась голова и задрожали руки. Он с трудом оторвал от земли пластмассовую лейку и протянул ее заботливому садоводу.

— Вы не смущайтесь! — подбодрил его тот. — Мы с ним заранее договорились, что если он меня свергнет, то посадит на моем прахе баобаб, а если я его — то фейхоа... Мы с вами выполняем его последнюю волю. Дело житейское. Вспомните легенду о драконе: убивший чудовище рыцарь сам превращался в новое чудовище...

У репортера к горлу подступило тошнотворное отвращение от всего того, что он видел, слышал, ощущал и понимал.

«Где же выход из этих проклятых джунглей!? — продолжал искать глазами выход из оранжереи журналист, понимая, что этот хилый и тщедушный на вид старикашка по всем статьям обыграл его холодный и математически выверенный расчет. — Поскорее весь этот кошмар завершился бы!»

— Я своим оппозиционерам сколько раз говорил: «Ребята! Не умеете заниматься политикой — не быкуйте! — вдруг перешел президент на чистый русский язык. — Заткните свою балалайку и дышите в тряпочку... Порву всех, как Тузик грелку! Потопчу, как татарская конница топтала спартанскую гвардию...»

От услышанного мозга у журналиста окончательно коротнули и задымились:

«Боже мой! — воскликнул он в сердцах, устремляя свой взгляд к небесам. — Какой ужас!! Он еще к тому же и русофил!..»

— Ну что... дошла теперь и до тебя очередь... — Кивнул на лакированные штиблеты репортера, изрек диктатор. — Скидавай сапоги! — Журналист снова побледнел, и с него окончательно сошел последний остаток его респектабельного лоска. — Будем в них сою выращивать...

Почему сою? Почему не горох? Ответа не было. Просто захотелось ему вырастить у себя в оранжерее сою, и все тут. Без каких-либо глубокомысленных философских намеков и комментариев.

Репортер поспешно разулся, от страха теряясь в догадках. Он уже боялся того, что с ним может приключиться в следующую секунду. Но по всему было видно, что в его изначальные планы вкрались непредвиденные и непреодолимые обстоятельства. И самой главной из них была очевидность того, что намечавшийся в режиме реального времени государственный переворот с треском провалился.

«Вот она, их демократия! — успелось подумать ему. — Все за то, чтобы ходить босиком! Да здравствует власть босоногих!»

Босые ноги журналиста вступили на многострадальную землю африканской оранжереи, и он сразу же почувствовал резкую боль от впившихся в его изнеженные западным образом жизни ступни многочисленных колючек от опавших растений. Соприкосновение с объективной реальностью оказалось для него не очень приятным, я бы даже сказал, жестоким испытанием.

— Н... да... Голыми пятками ходить — это вам не виски пить! — многозначительно покачал головой диктатор, сам свободно разгуливая по своим грядкам босиком. — Изнеженность — главный недостаток бремени белого человека! Как только вы выходите за рамки своей цивилизации, сразу же становитесь похожи на наших обезьян... А что может быть нелепей белой обезьяны на новогодней елке?!

Журналист смущенно поморщился и впервые подумал о суициде: «Но только чтобы сразу и без мучений...»

— Идемте обедать, пока устрицы и шампанское еще не успели остыть... — неожиданно предложил гостю диктатор-садовод, закончив высаживать фейхоа. — Не люблю, когда меня люди ждут... А мой повар — человек пунктуальный. Пойдемте и выпьем за новую страницу в истории нашего государства, которая сегодня для нас всех благополучно открылась... Они думали, что я стар и меня можно так вот легко свергнуть... Наивные люди. — У журналиста от нервного тика задергалась щека — казалось, что президент его видит насквозь своим рентгеновским зрением. — Пока они не докажут мне, что они будут лучше, чем я, то не стоит даже и дергаться. — Щека у гостя замерла, словно в глубокой заморозке. — И донесите, пожалуйста, до своего западного читателя, — обратился совершенно по-дружески хозяин к гостю, — что в нашей стране давно уже нет никакой военной тирании. Мы давно уже живем при процветающей демократии и давно уже сказали своим правителям: «Прощай, диктатор!..»

ГРАФСКАЯ РАЗВАЛИНА, ИЛИ НОВАЯ ПИКОВАЯ ДАМА

В тот день в особняке графини N., что на Рублевке, проходили траурные мероприятия по случаю ее безвременной кончины. По желанию ближайших родственников СМИ молчали, и даже самые проницательные папарацци не знали о случившемся. Все было обставлено так, словно ничего не значило, тихо и по-семейному. Только узкий круг доверенных лиц. Только приглушенная органная музыка времен Баха

да чопорная аристократическая грусть по безвозвратно ушедшему блестящему веку русской олигархии времен ельцинской краснокирпичной готики.

Усопшая накануне хозяйка была дамой уже преклонных лет, но, несмотря на этот свой почтенный возраст, продолжала вести полноценную великосветскую и бурную личную жизнь. Она сделалась героиней светской хроники бульварных глянцевого журналов благодаря своим многочисленным замужествам и роковому вдовству. Желтая пресса утверждала, что она является Синей Бородой нашего времени, которая успела пережить дюжину законных мужей и два десятка ретивых любовников. Она жить не могла без каблуков. И когда она с них все-таки слетела, ее в них и положили в гроб. Правоохранительные органы старательно капали под нее, «шили» дела, но ничего криминального найти не могли. Веселая вдова по-прежнему продолжала куролесить с новыми молодыми мужьями и куражиться над здравым смыслом российского законодательства.

Хотя графиня была фальшивой (ее третий муж по случаю купил этот титул и так же случайно оставил его ей в наследство после своей внезапной кончины), она никогда не отказывалась от своего пышного титула и всегда козыряла «старинным» родовым гербом. Фальшивая по форме, она была настоящая по содержанию: ее миллионы были реальной денежной массой — наследство от первого мужа, который еще при прежней власти был крупнейшим банкиром позднего развитого социализма и ворочал триллионами советско-социалистической экономики.

Траурная мизансцена была выстроена в лучших традициях русского классического театра. Возле усыпанного цветами дорогого гроба стояло несколько зажженных пудовых свечей, а окна и зеркала в зале были задрапированы черной тканью. Верная ей при жизни сиделка (девица предбалзаковского возраста со следами интеллекта на челе) за глаза называла своего патрона «Пиковой Дамой». И старуха сполна оправдывала данное ей прозвище. Не было ни дня, чтобы графиня не скандалила и не попрекала ее куском хлеба. Графский титул настолько испортил некогда хорошенькую доярку из хутора Забегалова деревни Пыталово, что парижские собаки, когда она шла по Монмартру, испуганно поджав хвосты, разбегались в разные стороны, ища спасения в самых дальних подворотнях французской столицы.

В тот день возле ее гроба оказалось всего лишь двое плакальчиков, которые почтили своим присутствием бранные графские останки — уже упомянутая нами сиделка да последний муж, теперь ставший безутешным вдовцом и единственно законным наследником ее огромного состояния. Сиделка стояла вблизи покойной, то и дело вытирая платком несуществующие слезы. По ней было видно, что девица страдает неизлечимым тяжелым недугом русской интеллигенции — горя от ума. От ее напускной скорби веяло придворным лицемерием и казенщиной. По ее надуманному трауру было видно: человек на работе, не мешайте ему выполнять свой служебный долг.

Новоиспеченный вдовец растерянно стоял чуть в стороне не решаясь приблизиться к своей почившей супруге. Только месяц назад они поженились, только два месяца как познакомились. Их отношения нельзя было назвать бурным романом, скорее всего, они подходили под шальную случайность, роковую ошибку, нелепую шалость Фортуны и т. д. и т. п. Простой школьный учитель и подумать не мог, что его заметит и бурно возлюбит графиня, светская львица и сердцеедка, правда, уже весьма потрепанных пенсионных лет.

— Я вот одного только понять не могу: как вам удалось так быстро меня склонить на эту авантюру? — задавал себе один и тот же вопрос вдовец. — Слово кто-то разум затмил. Будто кто-то меня подменил. — И, обратившись к сиделке, спросил: — Я уже который буду по счету ее муженек? Пятый или шестой?

— Седьмой... — поправила его та, совершенно бесчувственно взирая на гроб.

- Ого! Семь мужей за три года! Да она у нас рекордсменка!
- Она искала своего принца на белом коне, и им должен был оказаться ее последний избранник...
- Я менее всего подходил для этой роли...
- Время покажет... — неопределенно покачала головой сиделка.
- А от чего умирали ее прежние мужья?
- От жадности...
- Расскажи подробности...
- Она их куртизанила тоже не более двух-трех месяцев, и у всех был один и тот же печальный финал: они не выдерживали ее бешеного темпа жизни. — Сиделка шумно высморкалась в платок. — Бабулька умела получать удовольствие от падкой на халявные деньги молодежи. Это их всех и губило...
- Н... да... Моя женка, оказывается, умела зажигать и приятно прожигать жизнь...
- У нее были на то веские причины.
- Выходит, она куртуазно куртизанила и меня!
- Не ты первый, но ты последний... Давай помянем усопшую... — предложила сиделка, подходя к столику, на котором стояли два хрустальных бокала и кувшин вина. — Она все-таки была хорошим человеком... Как женщина она жила только тогда, когда стояла на каблуках... Только, — налив вина в один из бокалов, она взяла паузу, — ответь мне на один вопрос... Как ты намерен поступить со мной?
- А что с тобой? — не понял ее вопроса вдовец.
- Я пять лет батрачила на эту старуху... Была фактически ее крепостной... Она обещалась со мной как со своей личной вещью... Унижала, оскорбляла... Грозилась даже арабам в гарем продать, и все такое... Взамен мне было обещано, что после ее смерти она обеспечит меня и даст полную свободу... Но по оставленному завещанию все достается тебе, а мне ничего... Ты обязан выполнить ее последнюю волю и позаботиться обо мне...
- Последнее, что во мне умрет, так это совесть...
- Это как нам вас следует понимать? — Все держала в своих руках предназначавшийся ему бокал бывшая сиделка.
- Чего ты хочешь?
- Я давно мечтаю о своей личной клинике... — призналась ему барышня. — Кое-что за эти годы мне удалось скопить, но это капля в море того, что мне нужно еще будет...
- Хотите лечить людей... Это похвально... И сколько вам для этого надо?
- Вот калькуляция всех моих расходов... — Она достала откуда-то давно приготовленный ею заветный листок бумаги. — Здесь все до последней копейки...
- Хорошо, как скажете... Я согласен...
- Тогда подписывайте, мне важно знать, что вы потом не передумаете и не обманете меня...
- Вдовец добровольно подписал, как выяснилось, многомиллионный контракт на строительство медицинского центра и передал документ сиделке:
- А денег-то хватит на то, чтобы это все построить? — поинтересовался он у нее. — А то я понятия не имею, сколько мне она оставила в наследство...
- Хватит, хватит! — поспешно пряча драгоценный документ, отвечала ему та. — Еще даже и на мороженое голодающей Африке останется...
- Тогда я рад, что мы с тобой затеяли такое благое дело...
- А совесть действительно умрет в тебе последней... — Озорно посмотрела на него сиделка и неожиданно поцеловала его прямо в губы.
- Это не обязательно было делать, — смутился он. — Я от чистого сердца...

— Люблю победителей... — и, повысив голос, на всю комнату сказала: — Я рада, что ты не жмот и не скупердяй... У графини есть правильный наследник... Она им будет довольна...

Вдовец вздрогнул, поскольку эти ее слова эхом отозвались в пустой зале. Ему показалось, что на самом деле они были адресованы не ему, а кому-то еще, кто тоже тогда находился с ними в той же комнате. И чутье его не обмануло. Чутье верно подсказало ему его судьбу.

— Ну что ж... Твоя взяла... — Услышал он за своей спиной голос своей почившей супруги.

Он обернулся и увидел ее — восставшую из гроба покойницу. Старуха поднялась, несколько секунд посидела в гробу, а затем весьма проворно полезла из него вон. И откуда только у покойницы взялось столько сил: «Какое-то голливудское мракобесие... — подумалось ему. — Нам только здесь теперь вампиров и зомби для полного отстоя не хватало...»

Все похолодело и онемело внутри несостоявшегося вдовца. А бывшая сиделка как ни в чем не бывало стояла и охраняла разлитое ею по бокалам вино.

— Ты победила... — призналась ей старуха, бесстрастно проходя мимо своего седьмого мужа. — Сегодня на твоей улице будет праздник... — Графиня подошла к ней и слегка приобняла. — Поздравляю... А ты приглядишься к нему... — Обернувшись, посмотрела она на своего благоверного. — Вроде бы неплохой мужик, не то что те прежние вурдалаки... Держись за него, может быть, у вас что-нибудь с ним и получится...

Вдовец продолжал растерянно моргать, не в силах проронить ни звука.

— Дай ему испить из своего бокала, — велела Пиковая Дама своей верной служанке, — а то он на радостях от того, что я ожила, умом сейчас тронется... Ишь как побледнел... Да и коленями трусит так, словно сейчас обоссется...

Сиделка протянула ему свой бокал с вином.

— Пей... Это тебя взбодрит...

Он машинально отхлебнул и чуть было не поперхнулся.

— И ты намерена сдержать свое слово? — в упор глядя ей в глаза, спросила сиделка графиню.

— Признаться честно, за три года эта игра мне изрядно уже прискучила... — взяв в руки первый бокал, поникшим голосом проговорила ожившая хозяйка дома. — Все надоело... Я устала... Пора с этим всем заканчивать... Все честь по чести... Сегодня ты выиграла, я — проиграла... — Она подняла бокал и посмотрела его на свет горящей свечи. — Как странно разглядывать это вино и знать, что в нем находится твоя смерть... Наш клуб самоубийц на этом завершает свою деятельность и закрывается... Конец комедии... Занавес...

— О чем это она? — терялся в своих догадках ее муженек.

— Не мешай... — отмахнулась от него сиделка. — Так она прощается с этим миром... Ты можешь сейчас видеть, как плачут богатые, расставаясь со своими земными богатствами... Но слезы их гроша ломаного не стоят... Они обесцениваются потому, что в них отражаются все причиненные ими беды. Но для них тяжелее этих слез нет ничего на свете.

— А мне кажется, все наоборот... Перед смертью у богатых должны быть самые тяжелые слезы, поскольку в них собираются все беды мира... Поэтому в скупой слезе богача видны все слезы обиженных ими людей... вот и получается, что слезы олигархов обесценивают пролитые по их вине слезы мира.

— Ой, только не заводи мне здесь заунывную шарманку Достоевщины! — раздраженно пресекла все эти их размышления о сущности бытия сама графиня. — Все на-

много проще: все мои богатства — результат умелого воровства моего первого муженька-барыги... Если бы он знал, для кого он все это ворует, то давно бы ушел каяться в монастырь...

Пиковая Дама торжественно поднесла к своим губам бокал с отравленным вином и театрально его осушила до дна.

— И здесь не может без своего аристократического пафоса обойтись... — недовольно буркнула себе под нос сиделка, с каждой минутой все больше обретавшая в себе уверенность и командное начало.

Проходя мимо нее, бывшая покойница равнодушно похлопала ее по щеке и направилась к месту своего вечного упокоения. Растерянный муж проводил ее недобрым взглядом и перекрестился. Черная графиня уселась обратно в свой гроб, свесив через его борт свои худые ноги. Ее мертвецки-бледное лицо особенно выделялось на общем мрачном фоне траурной залы графского дворца:

— Уговор дороже денег... — совершенно бесчувственно попрощалась со всеми старуха. — Будьте счастливы, деточки... Живите дружно и не поминайте меня, старую, лихом...

С последними словами она легла в гроб, скрестила на груди руки и закрыла глаза.

— Что она делает? — недоумевал муж.

— Она умирает... — холодно отвечала ему сиделка. — Выполняет свою часть условий нашего договора.

— Какого еще договора?

— В бокале был яд. В зависимости от твоего решения его должен был выпить или ты, или она... Ты принял свое правильное решение, она — свое... В итоге я получила свободу и состояние...

— А поподробней?!

— Докладываю подробней...

— Мы заключили с графиней пари... — Сохраняя спартанское спокойствие, она раскрыла ему некоторые подробности только что случившегося дела. — Мы искали самого порядочного из ее наследников, чтобы ему передать все старухины богатства, исчисляемое восемью нулями...

— Именно поэтому она так часто и выходила замуж?

— Да... И именно поэтому так часто становилась вдовой... «Черной вдовой»...

— Так я не понял, это вы такие проверки устраивали для каждого из ее покойных мужей? — начал что-то понимать уже во второй раз за один день ставший вдовцом богатый наследник. — Это вы их сами травили?

— У нас был уговор. Если так называемый «вдовец» выполняет мои условия и заботится о сироте казанской, то я побеждаю, обретаю свободу, а графиня сама накладывает на себя руки. Если они оказываются жадными жирными котами, то она вылезает из своего гроба и сама их отправляет вместо себя на тот свет... Так что этот бокал с ядом предназначался или для тебя, или для нее...

— Жестко...

— Жестоко... — поправила его бывшая сиделка. — Но такова жизнь...

— Это не жизнь, это — уголовное дело... — поправил ее бывший учитель.

— Наша графиня еще долго продержалась...

— И вы все это время занимались этой панихидой?

— Да, но теперь от нее одни лишь графские развалины остались...

— Суровая женщина... Такой в темном переулке лучше не попадаться...

— Да. Стальные нервы, железный характер, гранитное сердце... Она держалась так долго потому, что ей всегда почему-то попадались непорядочные мужья... У меня даже

сложилось впечатление, что это она специально подбирает себе подонков, чтобы меня подольше при себе удерживать. С тобой вот у нее вышел прокол... Нарвалась на первого порядочного...

Он представил себе картину смерти своего предшественника. Вдовец номер шесть радостно приплясывает возле гроба своей почившей графини, затем прогоняет с глаз долой надоедливую сиделку, потом поднимает поминальный бокал вина с ядом и замертво падает, сраженный сердечным приступом. Торжествующая графиня вылезает из своего гробика, и они обе выписывают неудачнику свидетельство о его несостоявшемся богатстве. Он так же представил и то, как обе злоумышленницы затаскивают его труп в гроб и отправляются в катафалке в крематорий.

— Проклятие! — Тряхнула его смертельная дрожь. — На его месте мог бы быть и я... Ничего себе шуточки! Я прошелся по лезвию над самую пропасть...

— Правда круто? — словно прочитав на его лице все эти страхи, спросила сиделка. — Ты переживаешь сейчас такой впрыск адреналина, которого еще не доводилось испытывать!

— Я просто в шоке от всего услышанного... Как вы вообще на такое решились пойти?

— Жизнь заставила. Она все время была озабочена тем, что не знает, кому оставить свои богатства... Кощей Бессмертный в юбке...

— На мне ее поиски остановились...

— Ты думаешь, что вы случайно познакомились с этой лжеграфиней? — поделилась с ним своими сокровенными женскими секретами сиделка. — На твоём месте должен был быть другой, кого выбрала эта «веселая вдова»... Но я помешала ей и приложила все старания, чтобы выбор ее светлости пал именно на тебя... Мне надоело видеть, как она отправляет на тот свет несчастных глупцов. Я решила покончить с графиней, подсунув ей порядочного человека...

У порядочного человека от всего пережитого закружилась голова и почему-то резко захотелось спать. Он протяжно зевнул и всем телом обрушился на пол.

Когда он очнулся и открыл глаза от глубокого и затяжного сна, то оказалось, что он лежит в домашнем лазарете под капельницей, а возле него сидит все та же заботливая сиделка:

— Мне пришлось сказать всем, что вам стало плохо и вы были срочно госпитализированы... — поспешила успокоить его она. — Я, если вы помните, дипломированный врач... Мне поверили, потому что мне можно доверять...

— А где жена?

— Ее уже кремировали. Мы не стали дожидаться пока вы очнетесь...

— А что со мной на самом деле было?

— Ничего особенного. Я вам в бокал добавила немного снотворного, чтобы вы могли избежать неприятных минут прощания со старухой в крематории...

— Ой, как голова болит...

— Это вы ею ударились, когда отклофелинились...

— А зачем это я так наклофелинился?

— По предписанию вашего лечащего врача...

— Жестокое вы здесь у себя, однако, ведете игры...

— Я бы вам вообще посоветовала разрушить этот дворец как памятник ее помпезного земного тщеславия и на его руинах высадить какой-нибудь дикий экзотический сад...

Он на секунду прикрыл глаза и во всех красках представил себе дымящиеся графские развалины и блуждающий в том густом дыму мятежный дух новой Пиковой Дамы:

— Ты ее ненавидела?

— У меня было жгучие желание пойти и прибить ей на лоб игральную карту пиковой дамы... — чистосердечно призналась доведенная до полного отчаяния бывшая графская сиделка. — Все тираны мира всегда кончают таким смертным приговором.

— Вот гадина! — в сердцах воскликнула старая графиня, прослушивая их откровенную беседу по монитору в комнате охраны своего особняка. — Какую змеюку я пригрела у себя на груди... И этим злом она мне платит за мою доброту... Если бы я не заменила ее яд на простую глюкозу, то сейчас была бы полной дурой! — с облегчением подумала она про себя. — Значит, так, мальчики... — обратился она к своим телохранителям (громилам-гориллам, взятых ею из лихих девяностых). — Эту с... медицинскую в асфальт закатать, а этого праведника ко мне сюда для душеспасительной беседы доставить...

Громилы кинулись было исполнять ее приказ, но на входе в лазарет были повязаны успевшей подоспеть к месту нашей трагикомической истории полицией. В комнату, где сидела в ожидании развязки прожженная в коварстве графиня, торжественно вошел главный следователь местной прокуратуры и предъявил ей железобетонные обвинения. Дама Пик потеряла дар речи, ибо была на двести процентов уверена, что полностью контролирует ситуацию и что на этот раз ей вновь удастся сухой выйти из воды роковых приключений. Но воды этих самых роковых приключений на этот раз засосали ее черную душу в самый темный омут безнадёги. Она сама угодила в ею самой же расставленные сети.

«Проклятие...» — только и смогла подумать она, уводимая нарядом полиции в тюремную машину, которая была все-таки намного удобнее того катафалка, который был арендован ею в похоронной компании на тот самый мрачный день в ее жизни.

Появившиеся на ее запястьях стальные браслеты оказались для нее смертным приговором. Пиковая Дама поняла, что будущее ее ничем хорошим не светит. Полнейшая апатия сковала ее сердце, и она впервые захотела по-настоящему умереть, навсегда забыться и видеть сны...

Особенно близким Шекспир оказался в тот день и для ее бывшей сиделки. Когда эту дамочку повели под ее белые ручки, она поняла высокий трагедизм потаенных мотивов Отелло, так страстно желавшего придушить своего близкого человека. Только она все никак не могла решить, кого ей хочется придушить первым — старуху или ее мужа.

— Операция завершена! — Помогая освободиться от капельницы незадачливому мужу и несостоявшемуся вдовцу, изрек прокурорский работник. — Мошенницы разоблачены! Обоих твоих дамочек повязали. Обвинение предъявлено, дело можно считать раскрытым... Поздравляю...

— И тебе тоже не хворать... — поднимаясь с койки, приветствовал его потерпевший, все еще находясь в стрессовом состоянии. — А я уже думал, что все, хана, не успеете...

— Такой пир духа мы никак не могли пропустить! — торжествовал сыщик. — Я теперь этот день буду каждый год отмечать как дату возвращенной справедливости и торжества законного возмездия...

— И я тоже...

— Эти курицы наболтали на диктофон на два пожизненных срока! — радостно потирая руки, объявил следователь. — Теперь у нас есть все, чтобы засадить их в тюрьму... Два года я гонялся за этой ведьмой! Два года она водила нас всех за нос! Но теперь все! Конец черной графини! Теперь можешь, брат, спать спокойно, — по-братски обнял он дважды не состоявшегося в тот день вдовца, — эта вампириша к тебе больше на помеле не прилетит...

— Надеюсь, что так оно и будет... — перекрестился бывший учитель.

- На Бога надейся, а мне доверяй! — переделал на свой лад известную поговорку счастливый до ушей сыщик.
- Тут, оказывается, была самая настоящая детективная история...
- Дамочки решили поиграть в крутых парней...
- И надо признаться, им это вполне удалось сделать...
- Что будешь делать теперь со своими миллионами?
- У меня есть два обязательства... — отвечал новоиспеченный миллионер. — Построить клинику и разрушить этот дворец... Дал слово — держи...
- Ну-ну... Твоя денюга, тебе теперь и решать...
- Токсичные бабки особенно тошнотворно воняют.
- Знаю я тебя, альтруиста! Пойдем поскорее в кабак, пока ты не раздал всем нищим свои миллионы...
- Мне действительно сейчас не мешало бы чего-нибудь выпить покрепче... — попросил его об особой микстуре освобожденный из-под дамского ига мужчина.
- Если угощаешь (а ты мне все-таки кое-что должен!), то я согласен. — Дружественно похлопал его по плечу государев человек.
- Давай и в самом деле куда-нибудь пойдём, а то я не доверяю винному погребу этого графского замка, — предложил тот ему пройти в ближайший кабак. — Здесь яд может найтись за каждым углом... Пока ваши криминалисты будут все тут «разминировать», устроим импровизированный мальчишник... У нас есть с тобой серьезный повод на две-три ближайшие недели чопорно и вальяжно по-английски забухать...